– С чего вдруг ты решил меня проводить? Даже до Дзёин не поленился дойти.

— Просто так.

Я, ведя велосипед Тасиро, шел с ней по вечерним улицам.

— Нечего девушке шататься поздно одной.

— Нашел когда из себя заботливого дядюшку построить, Инаба.

Мне просто пришло в голову, что нельзя оставлять Тасиро одну. Внезапно, без особого повода.

— Или ты в меня влюбился? Хи-хи-хи!

— Мне не нравятся девушки, позволяющие себе подобные высказывания.

Зачем «образу ненависти» желать себе физическое тело?

Может, он хочет куда-то отправиться? Остается надеяться, что не ради какого-то конкретного дела.

— Инаба, у тебя подружка есть? Я видела ту фотку из фотокабины, где вы вдвоем.

— Сдурела, он же парень… Стоп, ты когда успела в мой ученический заглянуть?!

Что если Миура одержим «образом ненависти»… Нет, точнее, что если он захватил тело Миуры?

В этом случае он сейчас может быть где угодно. И делать все, что угодно.

— То есть для тебя это нормально, когда два парня фотаются вместе? А ты еще и вложил фотку в ученический…

— Вы же с подружками фотаетесь.

— Это совсем другое!

Не знаю, почему…

Не знаю, но почему-то мне кажется, что теперь, обретя тело, он первым делом отправится за Тасиро.

— Мы пришли. Этот дом.

— Хорошо.

— Спасибо, Инаба. Дальше провожать не нужно. Пойду, поставлю велосипед.

— Давай.

Тасиро зашла на подземную парковку.

Мы благополучно добрались до ее дома. Это радует.

«Если подумать, Миура сейчас должен еще быть в больнице. С того момента, как ему стало плохо, прошло всего ничего».

Как было бы хорошо, если окажется, что у меня просто разыгралось воображение.

И ничего бы не произошло…

Но…

Со стороны парковки раздался металлический звон.

— Тасиро?

Я зашел на парковку. Тасиро нигде не было видно. В стене сбоку была открыта нараспашку дверь.

— Запасной выход!..

У парковки была два входа. Может, Тасиро через него ушла к себе?

В панике я бросился к проходу и заметил в темноте на полу женские ноги. Видимо, ее затащили сюда силой, юбка сильно задралась. И я уже видел эти трусы!

— Тасиро?!

Кто-то сидел на животе неподвижной Тасиро. В темноте сверкнул нож.

– Сейчас!.. – донесся откуда-то голос.

Я выдернул из заднего кармана штанов «Пти» и пролистнул на страницу «Суда». Казалось, на это ушла целая вечность.

— Брондиз!!!

БАБАХ!!!

Громыхнуло так, что не только парковка, ведь многоквартирный дом над ней содрогнулся.

Мужчину отбросило на метра три в сторону. Нож для фруктов держал…

— Все-таки Миура!!!

Он потерял сознание. Его лицо было серым от крайней степени изможденния. На отморозка, нападающего на девушек, он был совсем не похож.

Секунду я колебался, но все-таки выбил носком ботинка нож из руки Миуры, так что тот улетел в клумбу. Затем оттащил учителя на тротуар перед домом. Там его быстро заметят и отправят в больницу, решат, что он испугался грохота и лишился чувств. Пока… Пока его нельзя было обвинить в нападении на девушку.

— Тасиро. Тасиро!

Я похлопал ее по щекам, и Тасиро немедленно открыла глаза.

— И… Инаба! — Она крепко меня обняла. — Черное лицо! Совсем-совсем черное! Вдруг! Прямо перед глазами!

— Уже все хорошо. Он убежал.

Я погладил Тасиро по голове и нащупал у нее на затылке небольшую шишку.

Почувствовав позади чье-то присутствие, она резко обернулась и увидела черного мужчину. Испугавшись, она отпрыгнула, ударилась об машину и потеряла сознание. Повезло, что

потеряла. Она не поняла, что на нее напал Миура. Вот и хорошо.

— Кто это был? Что это было?

— Не знаю. Лучше посмотри, похоже, здесь что-то еще случилось.

— Что?.. Ой!

Вокруг нас постепенно нарастал шум. Велосипеды на парковке все завалились, стекла в некоторых машинах были выбиты, с дороги внутрь боязливо заглядывали выбежавшие из дома жильцы.

— Что… Что здесь было?!

— Понятия не имею. Может, взрыв газа. Мощно бабахнуло.

— Взрыв?!

Я проводил Тасиро до ее квартиры на шестом этаже, а когда спустился, вокруг так и не очнувшегося Миуры уже кто-то суетился. Мысленно прося прощения у них и жильцов, я ощутил смесь облегчения и чувства сильного удовлетворения, если не сказать — счастья от честно выполненного долга.

Я спас Тасиро. С помощью «Пти». Меня охватило легкое возбуждение.

— Отменное исполнение, господин, — согнулся в глубоком поклоне Фул.

Я усмехнулся.

— Ты тоже молодец, Фул. Вовремя сказал «Сейчас».

Но Фул замотал головой.

— Что вы, что вы! Это был голос вашего подсознания, господин.

— Моего подсознания?

— Совершенно верно, совершенно верно! Вы пожелали, а мы лишь отозвались.

— Вот оно как… — я растерянно наклонил голову.

Фул довольно улыбнулся.

— Вы славно потрудились, господин! А теперь, как насчет вернуться в особняк? Ваш ждет рис с крокетом.

— О! Точно!

И я заторопился назад в общежитие.

Следующий день. Тасиро пришла в школу, а вот Миура, как нам объявили, какое-то время побудет на больничном.

— Я слышала, Миура вчера сбежал из больницы и пошел шататься по улицам. Его нашли без сознания и отправили назад в больницу, но представляете, где это было?! Перед моим домом! — тараторила без остановки уже прознавшая откуда-то обо всем Тасиро.

— Он тебя преследует, Таако! Ах, этот Миура-сэнсэй, какой негодник, влюбился в нашу Таако! — расхохоталась Сакураба.

— Фу, гадость! Если это правда, хуже просто не придумаешь! — на полном серьезе отреагировала Какиути.

— Банальная случайность. Больница, куда положили Миуру, ведь совсем недалеко от твоего дома, — ровным тоном заметил я, но Тасиро, округлив глаза, впилась в меня сердитым взглядом.

— Начнем с того, Инаба, что с какого перепугу ты решил меня вдруг проводить? А тот тип, что напал на меня на парковке, по-твоему, он никак не связан с Миурой?

— Н-нет, конечно! Чистой воды совпадение, говорю же! Я просто беспокоился за тебя, потому что ты была сама не своя из-за Миуры. Ну не нравится мне, когда девушки одни по ночным улицам болтаются! Вдруг с тобой что-то бы случилось?

— Это все очень мило, но…

— Так ведь на самом же деле случилось! Опять-таки, случайность, но все-таки. Не вернись ты домой так поздно, на тебя бы не напали.

Тасиро обиженно надулась.

— Что ты как дед старый, честное слово!

Сакураба и Какиути усмехнулись, но я решительно отбил:

— Что прикажешь делать родителям, если с их детьми вдруг что-нибудь случится? Подумайте над этим хорошенько. У вас есть родители, которые за вас волнуются.

Все три девушки притихли.

Пап, мам, простите, что вроде как воспользовался вами как предлогом. Но я правда так думаю. Пусть заботятся о себе и родителях.

Нельзя застраховаться от случайностей, но можно избежать немало проблем, если проявлять разумную осторожность. Пусть научатся быть внимательными и спокойно живут много-много лет.

— Слушай сюда, Тасиро. Сегодня после школы сразу домой и оттуда ни ногой, поняла? Не забывай, тот, кто на тебя напал, может все еще быть где-то поблизости. Вас это тоже касается, Сакураба, Какиути. Забудьте на какое-то время о вечерних прогулках. И других девушек предупредите.

«Трещотки» с неохотой, но все же кивнули.

Я тоже тем днем поспешил прямиком в особняк.

Там меня уже ждала вернувшаяся с выездной практики Акинэ-тян.

— Иссики-сан мне уже все рассказал. — Выражение лица у нее было особенное, деловое, как у настоящего «специалиста». — Думаю, твоя догадка верна.

— Что «монстр подсознания» захватил тело Миуры?

Акинэ-тян кивнула.

— Ты говорил, что Миура-сэнсэй напоминал пустую оболочку, так? Он воспользовался этой лазейкой и проник внутрь.

— Пустота внутри…

— Скорее всего, этот мысленный образ уже давно был в той подсобке, и за многие годы успел напитаться волнениями и страхами учеников и разрастись.

— А затем появился Миура… Просто совпадение?

— Не знаю. Бывает так, что ничего не предвещает: идешь ты себе по улице и натыкаешься вдруг на грабителя. Но учитывая личное отношение Миура-сэнсэя к девушкам, на просто совпадение это уже не очень похоже. Но не думаю, что его притянуло туда… Скорее, такая уж у него была судьба.

Не могу сказать однозначно, понял я ее или нет.

Сложная эта тема. Характер Миуры, неприятности в Сираминэ и, наконец, «злополучная встреча» в Дзёто — все это было предначертано? Прописано в судьбе Миуры с самого его появления на свет?

— В таком случае, наша ему помощь… тоже часть его судьбы, — вернул меня к реальности голос Акинэ-тян. — Ты почувствовал, что Тасиро-тян в опасности, точно так же как раньше предугадал, что она попадет в аварию. А почему Миура-сэнсэй нацелился именно на нее, можешь предположить?

— Ну… Наверное, потому что она выделяется. На фоне других девушек.

Тасиро симпатичная (если не принимать в расчет ее характер). На мой взгляд, внешне она весьма привлекательна, и лицом, и фигурой. Начни такая девушка обжиматься с парнем, и на это все обратят внимание.

Пусть сама Тасиро не вкладывает в это никакого скрытого смысла, окружающим ее близкие отношения с лицом противоположного пола могут показаться навязчивыми. А в глазах комплексующего из-за девушек и ненавидящего их парня все это вполне может выглядеть как откровенные заигрывания. И он начнет ее (не потому что это конкретно Тасиро, скорее всего, на ее месте могла оказаться любая другая) проклинать.

Акинэ-тян, выслушав мои размышления, кивнула.

— Я тоже так считаю. Что, по всей видимости, он случайно увидел, как вы с ней тесно общаетесь, и это глубоко запало ему в душу.

Я решительно кивнул.

— Да! Наверняка все именно так и есть, Акинэ-сан!

— И те леди Минэ, что издевались над Миура-сэнсэем. Спесь спесью, а женственность все равно до конца не скроешь. Как бы высокомерно ни вела себя женщина по отношению к мужчинам, большинство их все равно будут считать, что по сути своей она обычная шлюха. Наверняка и Миура-сэнсэй из их числа.

Я растерялся, не зная, как реагировать. Вот уж не ожидал услышать подобной резкости от Акинэ-тян, все-таки она тоже девушка.

— Сказала, как отрезала! — расхохотался Поэт.

Акинэ-тян невозмутимо пожала плечами.

— Так это же правда. В душе даже самой невинной девушки есть частичка от шлюхи. Лично я на дух не переношу тех, кто отлично это понимает, но все равно строит из себя недотрог.

Да уж, режет правду-матку! Своей категоричностью Акинэ-тян напомнила мне Хасэ.

— Это и стало связующим звеном между ним и Миура-сэнсэем.

Двое женоненавистников.

— Поэтому он, думаю, и выбрал Тасиро-тян своей первой жертвой.

— Тасиро?..

— Он сделал ее целью своей первой памятной охоты. Другими словами, пока он преследует ее, о других девушках волноваться не стоит. Скорее всего.

— Психи часто зацикливаются на всяких ритуалах и выдуманных ими самими правилах, — кивнул Поэт, специализирующийся на историях о таких вот психах.

— Что будет с Миурой, Акинэ-сан?

— Его личность будет со временем поглощена. Со стороны это будет похоже на психическое заболевание. Сил у той штуки для полного контроля над телом недостаточно, поэтому Миура-сэнсэя до конца его жизни будут считать больным.

Меня передернуло. Это что же получается, среди психически больных пациентов немало подобных несчастных?

— Нужно что-то предпринять, прежде чем Миура-сэнсэй дойдет до такого состояния, и, самое главное, прежде чем он еще раз нападет на какую-нибудь девушку.

Я кивнул. Я тоже думал об этом, что обязан что-то сделать. Нельзя допустить, чтобы Тасиро опять пережила тот ужас. И Миуре хочется помочь. Теперь, когда известно наверняка, что он одержим, некогда спрашивать разрешения у него или членов его семьи. Акинэ-тян может его спасти. Необходимо действовать, пока еще есть шанс. Пока его не отправили неизвестно куда. Пока мы еще в силах что-то сделать.

«Не всех можно спасти», — говорил Художник. Я полностью с ним согласен.

Всех спасти нельзя.

Но где та грань, между «можно» и «нельзя»?

— Не в том ли, чтобы «не бросать в беде»? — вопросом на вопрос ответил Поэт, когда я вслух повторил свои мысли.

Меня точно ударили в грудь кулаком, в горле перехватило.

— Если кому-то предназначено встретиться, им не помешают ни время, ни расстояние. Все равно окажутся рядом, только руку протяни. Поэтому ее и стоит протянуть, руку-то. Воспользоваться возможностью и спасти. Ведь бывает и так, что ты совсем близко к кому-то, а не дотянуться, не помочь.

— Совсем близко, но не дотянуться…

— Если так предназначено, — флегматично добавил Поэт.

— Какой бы большой ни была рука, всю воду она все равно не удержит. Говорят же, что даже из рук Будды вода проливается, а ведь у него между пальцами есть перепонки. В наших силах — думать о той воде, что осталась в ладонях, а не о той, что уже пролита. Не потому что она не важна. И не потому что о ней нужно забыть, ведь уже ничего не поделаешь.

Среди здешних обитателей тоже нет пустозвонов-идеалистов.

Их слова имеют вес, и я ощущаю его всем своим существом.

Даже такой могущественный человек, как Рю-сан, не смог уберечь от массового самоубийства две сотни человек.

Но Рю-сан не винит в этом себя. Он сделал все, что было в его силах. Раз ему удалось спасти заложников, значит, так было предназначено. А те двести жертв — это вода, что пролилась из его рук.

Вопрос не в количестве. Рю-сан наверняка хотел спасти всех.

Но иногда это получается сделать, а иногда — нет.

Так и выходит, что «всех спасти нельзя»…

Такова реальность.

Реальность, с которой приходится считаться, но с которой нельзя переставать бороться.

Судьба привела меня в Особняк нежити, и здесь я встретился с «Пти». Может, то, что Миура встретился именно со мной, тоже судьба?

Если все происходящее — часть предначертанного… я хочу сделать все, что в моих силах.

Но при этом нужно настроиться и на такой вариант развития событий, когда я в итоге так ничем и не смогу ему помочь.

Следующий день. Со звонком с последнего урока я на всех парах выбежал из школы, не забыв бросить на прощанье трем подружкам во главе с Тасиро, чтобы те сразу шли домой и больше никуда не выходили.

Перед входом в больницу, где лежал Миура, меня уже ждала с букетом в руках Акинэ-тян.

Мы молча друг другу кивнули. От волнения сердце колотилось в груди.

В палате на четыре человека кроме Миуры были еще два пациента. У его постели сидела женщина, судя по виду, мать.

Я подошел к Миуре, держа в руках приготовленный Акинэ-тян букет.

— Миура-сэнсэй, я пришел проведать вас от лица всех учеников.

— Ох, спасибо! Это так трогательно! — первой отозвалась его мать.

Она производила впечатление очень серьезной и сдержанной женщины, явно тоже сама много лет проработала учителем.

— О, Инаба, ты? — Миура с трудом принял сидячее положение. Выглядел он усталым, но самим собой. На лице застыло выражение крайнего смущения. — Ха-ха… Слышал, наверное, я тут, оказывается, сам не заметил, как сбежал из больницы и пошел бродить по улицам… Устроил всем веселую жизнь.

— Вы просто устали, сэнсэй. Но вчера вечером вы же не сбегали? — на всякий случай спросил я как бы между делом.

— Он только сегодня утром очнулся, — немедленно ответила его мать. — Что ж. пойду-ка я поставлю эти цветы в вазу.

И она вышла из палаты. С ее лица не сходила улыбка, но наверняка внутри она страшно переживала.

«Простите, пожалуйста. Возможно, совсем скоро вам придется испытать еще большее волнение за сына», — извинился я про себя.

Стоило матери Миуры выйти, и в дверном проеме показалось лицо Тасиро.

— Инаба!

— Тасиро.

Тасиро легким кивком поприветствовала Миуру.

— Я пойду на крышу, позвонить надо.

— Там же дождь?

— Но в больнице же нельзя пользоваться мобильными. Здесь седьмой этаж, проще на крышу подняться.

И Тасиро, еще раз быстро кивнув, ушла.

Миура резко побледнел, если не сказать посерел. Зато глаза зловеще вспыхнули. Тело мелко затряслось, а губы зашевелились в неразличимом шепоте.

Я гулко сглотнул.

Наконец Миура произнес срывающимся от напряжения голосом:

— Инаба… Не купишь мне сигарет в автомате на первом этаже?.. Пачку «Майлд Сэвена». Деньги… Возьми в тумбочке… Там кошелек лежит…

— А, хорошо.

Я взял кошелек, вышел из палаты и спрятался за колонной.

Практически сразу за мной выскочил Миура. Не оглядываясь, он целеустремленно, и правда, точно одержимый, побежал к лестнице на крышу. Я последовал за ним.

Шла мелкая, похожая на густой туман, морось.

Небо скрывали низкие серые тучи.

От дикой влажности было трудно дышать, тяжелый горячий воздух лип к телу. Прямо готовые декорации для кошмара.

На крыше, разумеется, никого не было. Кроме Тасиро под красным зонтом.

Миура, застыв в дверном проеме, зло на нее уставился. Дрожь во всем теле постепенно усиливалась, на лице выступили крупные капли пота, глаза выпучились.

— Телка…

Голос был Миурин, но говорил не он.

— Тупая телка…

На секунду мне почудилось, будто я слышу страшный гул того урагана ярости, боли и смятения, что бушевал у него внутри.

Миура ведь наверняка понимал, что с ним что-то не так. Но впустив его в сердце, он потерял над собой контроль: его разум оказался подавлен чужими страданиями, печалью и ненавистью. Он все это время наблюдал и ощущал, как его личность разрушается. Кусочек за кусочком, винтик за винтиком. Не выдержав такого ужаса, разум пустил все происходящее на самотек.

— Убью… Я убью тебя!

Миура сорвался с места и бросился к Тасиро.

— Я убью всех баб!

Миура налетел на Тасиро, повалил ее, сжал пальцами тонкую шею и изо всех сил затряс, так что ее голова гулко забилась об пол.

— Достали! Задолбали! Что вы о себе возомнили, козы дранные?! Суки!!!

Он напоминал взбешенного зверя, и из его тела повалило черное полупрозрачное нечто, похожее на густой дым.

— Сдохните, бабы! Все вы, сдохните!!! — завизжал Миура, не отпуская шеи Тасиро, и в этот миг рот девушки широко открылся и начал всасывать в себя черноту.

— О!.. О, о, о-о!..

Будто в этой черноте и заключались силы Миуры: как только рот Тасиро всосал в себя всю ее без остатка, учитель тут же повалился на пол.

В тот же миг Тасиро исчезла, превратившись в небольшую, вырезанную из бумаги фигуру человечка. У меня по всему телу побежали мурашки.

«Сикигами!»

Я только успел это подумать, а Акинэ-тян, откуда ни возьмись, уже занесла над бумажным человечком ногу.

— Ом абила ун кен совака!!!

Бам! — она с такой силой наступила на него, что бетонный пол вздрогнул.

— Ого!

Разумеется, ударная волна была порождена не физической силой, Акинэ-тян все-таки не рестлерша, а ее духовной энергией.

— Это один из способов заточения — «наступить» на злой дух. Теперь ему отсюда уже не

выбраться, — пояснила Акинэ-тян, поднимая бумажного человечка.

— Вот оно что, понятно-понятно. Его втянула в себя большая пустота, — высунув голову из моего нагрудного кармана, прокомментировал Фул.

— Именно. Дальше Фудзиюки-сэнсэй с этим разберется.

Фудзиюки-сэнсэй — экстрасенс и нынешний наставник Акинэ-тян, а так же заведующий отделением нежити больницы Цукиноки. Этот сикигами, принявший образ Тасиро, тоже творение его рук.

— А ведь от настоящей Тасиро не отличить было! Ничего себе!.. — я невольно содрогнулся при воспоминании о столь высококлассной технике.

— У… Ух…

— Миура-сэнсэй.

Мы с Акинэ-тян помогли ему подняться. Он едва стоял на ногах.

Акинэ-тян тихо заговорила:

— Миура-сэнсэй, все закончилось. Уверена, вы сейчас растеряны, но постарайтесь просто обо всем забыть. Поправляйтесь скорее и возвращайтесь на работу.

Ее голос звучал как всегда спокойно и сухо. В нем не было слышно превосходства человека, знающего все детали случившегося, или жалости к Миуре. Но, тем не менее, Миура наградил ее уничижительным взглядом. Я еще никогда не видел на его лице подобного выражения.

— Ага, как же… Обо всем забыть? Думаешь, это так просто?! — дрожащим, обвиняющим тоном закричал Миура. — Что ты знаешь о том, что мне пришлось пережить?! Я… Я… Я не для того учился, чтобы терпеть подобное обращение!

Изнуренное лицо с прилившими ко лбу мокрыми из-за дождя прядями волос казалось особенно жалким.

— Я ни в чем не виноват! Я всегда был лучшим! На меня всегда все полагались! А те девки взяли и все испортили!

Теперь понятно…

Для Миуры та история в Сираминэ стала первым разочарованием в жизни.

Учитывая его былую самоуверенность, неудивительно, что она его подкосила.

— За что мне все это?! Это ведь они виноваты! Что значит «мы с вами не согласны»?! Кто вас вообще спрашивает! Совсем страх потеряли, малолетки!

Миура все никак не успокаивался, точно все те отрицательные эмоции, вся та тьма, что есть в сердце каждого человека, разом решила выплеснуться наружу.

— Вы только послушайте себя, сэнсэй. Сами же ноете, как ребенок.

Миура непонимающе на меня уставился.

— Что ты несешь, Инаба. Какой же я ребенок? Я давно взрослый!

— Чего? — пришла моя очередь растерянно на него вылупиться. — Вы… Вы что, совсем себя со стороны не видите?!

Мне вспомнились слова Художника о людях без собственного «я».

Которые считают себя центром вселенной, а все остальное — не более чем декорациями. Но они даже не в состоянии это понять.

— Вы пробовали хотя бы раз выслушать тех девушек из Сираминэ?! Можно же было, наверное, прийти к компромиссу! — сорвался я, но Акинэ-тян вовремя меня остановила.

— Достаточно… Идем домой, Юси-кун, — и она за руку потащила меня за собой назад в больницу.

Миура, оставшийся под дождем, провожал нас ошеломленным взглядом. На фоне тусклого мрачного пейзажа он, сидящий на бетонном полу, напоминал собой жалкую мокрую мышь. Погода явно соответствовала его душевному состоянию.

— Что я сделал не так?.. Не понимаю! Я же так старался! Все силы вкладывал!

Но его крики, поглощенные непрекращающимся дождем, так никто и не услышал.

http://tl.rulate.ru/book/98654/3344807